

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Давыдов Д.В. Экстерриториальность *in corpore*: пространственные пределы действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных // Международное право. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.3.74669 EDN: WKMQXC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74669

Экстерриториальность *in corpore*: пространственные пределы действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных

Давыдов Дмитрий Васильевич

ORCID: 0009-0001-9466-2624

Аспирант, Юридический факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук

119049, Россия, г. Москва, р-н Якиманка, Мароновский пер., д. 26

✉ dvdavydov@gaugn.ru

[Статья из рубрики "Международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2025.3.74669

EDN:

WKMQXC

Дата направления статьи в редакцию:

28-05-2025

Дата публикации:

04-06-2025

Аннотация: Традиционные представления о территориальном верховенстве и пространственных пределах действия правовых норм, допускавшие лишь в единичных, строго определенных случаях их экстерриториальное применение, фактически обесцениваются благодаря устойчивому стремлению государств распространить пространство действия своего национального права и юрисдикции. Как показало время, вопросы экстерриториальности уже не ограничиваются личным статутом и фикцией экстерриториальности. Необходимость урегулирования данной проблемы также продиктована последствиями стремительного развития глобальной конкуренции, оказывающей чрезвычайно негативное влияние на внешнюю торговлю. В настоящей статье поставлена цель сформулировать наиболее полный перечень различных

практических проявлений экстерриториальности, кратко проследить отношение международно-правовой доктрины к этой проблеме, а также проанализировать, с учетом проведенного исследования, предложенный Комиссией международного права ООН вариант урегулирования проблемы осуществления экстерриториальной юрисдикции. При написании данной статьи применялись аналитический, дедуктивный, индуктивный, исторический, системный, сравнительно-правовой и функциональный методы исследования. В статье анализируются особенности проявления различных форм и видов экстерриториальности и предпринята попытка оценить многообразие этих проявлений в их совокупности. Теперь наука и практика международного права должны вырабатывать подходы, касающиеся экстерриториального действия не только законов, но и прав и обязанностей, из них вытекающих, судебных решений, а также документов. Обобщенный перечень разнообразных случаев экстерриториальности не оставляет сомнений в том, что данная проблема находится на стыке международного публичного и международного частного права. Очевидно, что проблема экстерриториальности по своему объему и сложности такова, что потребует участия многих специалистов, представляющих разные правовые традиции, и координации их усилий, вероятнее всего под эгидой Комиссии международного права ООН.

Ключевые слова:

иммунитет, международная правовая помощь, национализация, территориальное верховенство, трансграничное движение документов, фикция экстерриториальности, экстерриториальность, экстратерриториальность, юрисдикция, юрисдикционный анклав

Стремление отдельных государств распространить действие национального права, а также своей юрисдикции за пределы собственных государственных границ является одним из проявлений проблемы экстерриториальности национального права. В конце XX в. и начале XXI в. данный вопрос приобрел беспрецедентную актуальность. В условиях глобальной конкуренции ^{[11] [21]} многие государства, прежде всего США, стремятся придать целому ряду положений своего национального права экстерриториальный характер. Чаще всего речь идёт об установлениях антимонопольного, банковского, валютного, налогового законодательства, а также об ограничительных мерах, вытекающих из экспортного регулирования, торгово-экономических рестрикций, положений о ценных бумагах, биржах, борьбе с коррупцией и т.д. В этом же ряду стоят и попытки расширить свою процессуальную юрисдикцию далеко за пределы собственных государственных границ.

Особое место в рамках этой политики принадлежит такому инструменту, как санкции. Под этим термином на самом деле скрываются односторонние принудительные экономические меры ^[31], используемые для того, чтобы заставить другие государства следовать курсом, который соответствует политико-экономическим интересам стран, навязывающих другим государствам свои интересы. Как указывает Патрик С. Терри, «США стремятся подорвать внешнюю и торговую политику третьих государств, нацеливаясь на их граждан и бизнес. Санкционная политика США, таким образом, является попыткой установить контроль над внешней политикой других государств. Такое принуждение равносильно незаконному вмешательству во внутренние дела этих государств» ^[41]. На эти же обстоятельства указывает и А. А. Клишас, отмечая что США и ЕС проводят последовательную политику по реализации собственных интересов во внутригосударственных делах зарубежных

стран. Он подчёркивает, что это является очевидным нарушением принципа невмешательства во внутренние дела государств, который относится к императивным нормам международного права ^[5].

В этой ситуации весьма интересно то, что проблему экспансии американского правового вектора признают и в самих США. Ещё в 1982 г. в редакционной статье «Бизнес и закон: установление правил в США и за рубежом» в газете «Нью-Йорк таймс» Т. Левин отмечал: «Американские суды имеют право наказывать иностранные компании, если они нарушают антимонопольное законодательство США и оказывают существенное негативное влияние на американскую экономику. Бизнес-решения, которые выгодны для экономики одной страны, часто невыгодны для экономики другой» ^[6].

Естественно, что навязывание собственного права вызывает ответные меры со стороны других государств. Некоторыми странами было разработано и введено в действие специальное законодательство по противодействию американскому правовому доминированию (так называемые «блокирующие акты») ^[7].

Складывающаяся ситуация не может не вызвать обеспокоенности, не говоря уже о необходимости её адекватной правовой оценки. Проф. С. В. Бахин указывает, что конкуренция в сфере права и юриспруденции является одним из инструментов в борьбе за глобальное доминирование ^[8]. Развивая эту мысль, можно вести речь даже о правовой экспансии.

В этих условиях естественно возникает вопрос о правовых рамках, которые могут быть установлены для экстерриториального действия национального законодательства и экстерриториальной юрисдикции. Проблема, однако, в том, что в науке международного права экстерриториальность никогда не анализировалась в качестве комплексного правового феномена.

Так сложилось исторически. Во-первых, экстерриториальность всегда рассматривалась обособленно и нескоординированно специалистами по международному публичному и международному частному праву. Во-вторых, до сих пор не предпринималось попыток собрать воедино и оценить в совокупности различные фактические проявления экстерриториальности. В-третьих, пока не выработано эффективных инструментов противодействия попыткам навязывания одними государствами другим своих нормоустановлений и правовых режимов.

Подчас складывается впечатление, что внимание специалистов в большей мере сосредоточено не на правовых рамках для экстерриториальности, а на констатации общего положения о том, что экстерриториальность как таковая в целом противоречит ряду фундаментальных положений международного права. Так, еще на рубеже XIX и XX вв. проф. Ф. Ф. Мартенс обращал внимание, что «не оправдываясь разумными требованиями, экстерриториальность обратится в насилие и узурпацию, и не может быть терпима» ^[9, с. 408]. Ключевым в высказывании Ф. Ф. Мартенса следует признать термин «разумность», которую логично толковать как выяснение воли другого государства на применение иностранного права. Вместе с тем, полное отрицание экстерриториального применения иностранного права едва ли соответствует интересам мирового сообщества. Как отмечал британский юрист Дж. Чешир, «государства пришли к выводу, что они не могут себе позволить отрицать, ссылаясь на принцип территориального суверенитета, действие норм иностранного права исключительно на том основании, что они

противоречат нормам национального правопорядка» [\[10, с. 3\]](#).

В то же время на практике фактически отсутствует какое-либо последовательное регулирование экстерриториального применения иностранного права, а в международно-правовой доктрине до сих пор не проведено полноценного анализа феномена экстерриториальности. В этом ключе правомерно, в первую очередь, поставить вопрос о том, в каких именно формах в прошлом и в настоящем проявлялась экстерриториальность национального права и юрисдикции.

Специалистами экстерриториальность понимается либо узко, как исключительное подчинение законам собственной страны и полный иммунитет от юрисдикции иностранного государства [\[11, с. 602\]](#), либо широко, как отсутствие связи между правовым установлением и территорией его действия [\[12, с. 9\]](#). В течение длительного времени отсутствовало даже единство в терминологии, поскольку, наряду с термином «экстерриториальность» как равнозначный использовался термин «внеземельность». Проф. Ф. Ф. Мартенс и проф. А. Н. Мандельштам оперировали сразу тремя терминами: внеземельность, экстерриториальность и экстратерриториальность, не проводя между ними смыслового разграничения [\[9, с. 40-405\]](#) [\[13, с. 15-84\]](#).

Экстерриториальное применение национального права в определенных случаях неразрывно связано с осуществлением экстерриториальной юрисдикции. Комиссия международного права ООН (далее также – Комиссия) в 2006 г. определила экстерриториальную юрисдикцию как «попытку регулировать с помощью национального законодательства, а также вынесения и исполнения судебных решений, поведение лиц, имущественные отношения или действия вне его границ, которые затрагивают интересы государства в отсутствие соответствующих норм в международном праве» [\[14\]](#). Единства в определении понятия «юрисдикции» в международном праве не сложилось, в доктрине, как правило, при анализе проблем экстерриториальности общепринято руководствоваться разделением юрисдикции на предписательную, исполнительную и судебную [\[15\]](#).

Как это ни парадоксально, но ни в шеститомном (1967-1969) [\[16\]](#), ни в семитомном (1989-1993) [\[17\]](#) фундаментальных российских курсах международного права о существовании проблемы экстерриториального действия национального права даже не упоминалось. Более того, в Дипломатическом словаре, выпущенном Министерством иностранных дел СССР в 1985-1986 гг. в словарной статье «Экстерриториальность» указывалось, что этот термин устарел, не является точным и не нашел отражения в принципах и нормах международного права [\[11, с. 602\]](#). Между тем, ситуация складывается прямо противоположным образом, ибо на практике различные проявления экстерриториальности возникают чем далее, тем чаще.

Интересно задаться вопросом, почему в советской России вопрос об экстерриториальности сперва рассматривался чуть ли не как ключевой применительно к соотношению национальных правовых систем, а затем интерес к этой теме был начисто утрачен. Можно предположить, что данная тенденция была обусловлена не одним, а несколькими взаимосвязанными факторами.

Проблемы экстерриториальности интересовали юристов-международников по большей части лишь по особым случаям. Так, в России в XX в. это была, прежде всего, проблема

национализации имущества, проводившейся согласно Декретам Совета народных комиссаров и Постановлениям Высшего совета народного хозяйства 1917-1920 гг. В отечественной международно-правовой доктрине была выработана формула о полном соответствии советской национализации международному праву и об экстерриториальном действии актов о национализации [\[18, с. 13-92\]](#), в результате чего, как показало время, советская доктрина оказалась в своеобразной «ловушке».

В рамках советской международно-правовой доктрины в своеобразном ключе толковалось провозглашенное в международных документах право на национализацию, осуществляемую в рамках деколонизации. Так, положения Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14 декабря 1960 г. о праве народов на свободное распоряжение своими естественными богатствами и ресурсами интерпретировались как предполагающие возможность национализации, осуществление которой может базироваться на признании иностранных актов о национализации [\[18\]](#).

Однако изменение политико-экономической ситуации в мире с неизбежностью поставило под сомнение некоторые постулаты советской концепции относительно экстерриториальности. Так, в 1980-х гг. экстерриториальное действие американского экспортного регулирования в отношении европейских организаций, участвовавших в строительстве газопровода «Уренгой-Помары-Ужгород», было объявлено противоречащим международному праву [\[19\]](#).

Между тем, ситуация уже тогда осложнялась тем, что проблема экстерриториальности находится на стыке международного публичного и международного частного права. Специалисты по международному публичному праву были вынуждены соотносить сложившиеся публично-правовые воззрения с догматикой международного частного права об экстерриториальном действии законов. Как отмечала проф. Н. Р. Баратьянц, «в связи с этим особое значение приобрела такая правовая категория, как юрисдикция» [\[19\]](#).

Понимание пределов государственной власти и международно-правового значения суверенитета складывалось в течение длительного времени. Детальное рассмотрение проблемы осуществления экстерриториальной юрисдикции не могло возникнуть раньше XIX в. Лишь в XIX в. немецким правоведом Ф. К. фон Савиньи была развита идея международного общения, а также получила распространение мысль о том, что государства не могут самовольно вторгаться в сферу интересов другого независимого государства и определять свою правовую компетенцию вне пределов своего территориального властвования [\[20, с. 462\]](#). Проф. М. А. Таубе полагал, что экстерриториальность определенных лиц является ограничением действия государственной власти на собственной территории, и в определенных случаях государственная власть может действовать экстерриториально [\[21, с. 8\]](#). Иными словами, экстерриториальное применение национального права рассматривалось исключительно как экстраординарный случай.

Такой подход не претерпел изменений и в советской доктрине. Проф. Б. М. Клименко в семитомном курсе международного права, подытоживая рассуждения о территориальном верховенстве, указывал: «В то время как полная и исключительная власть государства ограничена пределами его территории, юрисдикция государства в ряде случаев распространяется за пределы его территории». В качестве примеров распространения

юрисдикции за пределы территории, не называя ее экстерриториальной, Б. М. Клименко привел следующие: континентальный шельф, искусственные острова, сооружения и установки, находящиеся в районе этого шельфа; морские суда, плавающие под флагом государства в открытом море, а также воздушные суда, находящиеся в не принадлежащем какому-либо государству воздушном пространстве и в некоторых случаях на иностранной территории; запущенный в космическое пространство объект и его экипаж; научный и сопровождающий персонал в Антарктике; военные базы [\[22, с. 12-13\]](#). Примечательно, что перечисленные примеры касаются исключительно вопросов (и объектов) международного публичного права. Вопросы действия международного частного права, в частности правовое положение иностранных физических и юридических лиц, не вошли в этот перечень.

В международном публичном праве разработка проблемы экстерриториальности началась с выдвижения фикции экстерриториальности, автором которой, по мнению проф. В. П. Даневского, является Гуго Гроций [\[23, с. 243\]](#). Эта концепция предполагает освобождение послов от юрисдикции принимающего государства [\[24, с. 430\]](#). Как показала практика, эти изъятия применялись не только к послам, но и к иным лицам — консулам, находящимся под их покровительством иностранцам, торговцам.

Греческие проклены и римские патроны — прообразы современных консулов — подчинялись юрисдикции принимающего государства, так же как и находившиеся под их покровительством иностранцы. Лишь после крестовых походов XI-XII вв. в странах Востока стали возникать фактории, имевшие полный иммунитет от юрисдикции иностранного государства и подчинявшиеся законам собственного государства; такие фактории возглавлялись консулами, обладавшими административными и судебными полномочиями [\[25, с. 12-15\]](#). По мнению Ф. Ф. Мартенса, «в XIV в. институт консулов перешел с Востока в западно-европейские государства» [\[9, с. 69\]](#). История свидетельствует, что помимо факторий, экстерриториальностью пользовались и иные территории — вольный, или свободный, город (нем. Freie Stadt, Freistadt, т.е. город, имевший статус самостоятельного территориально-политического образования, независимого от государства, на территории которого он расположен); свободный порт (порто-франко, т.е. приморская гавань, пользовавшаяся правом беспошлинных ввоза и вывоза товаров). Не подчинялись местной юрисдикции районы проживания иностранцев в Китае и странах Востока на основании режима капитуляций (сеттльменты).

Консульские должностные лица, используемые ими помещения, документы и архивы и по сей день пользуются неприкосновенностью и иммунитетом на основании ст.ст. 31-33, 43 Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г. (далее — Венская конвенция 1963 г.) и положений двусторонних консульских конвенций. Консулы также экстерриториально применяют нормы права представляемого государства (ст. 5 Венской конвенции 1963 г.). Аналогичные нормы об иммунитетах и неприкосновенности послов закреплены в Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.

В дальнейшем, с учетом складывавшейся дипломатической и консульской практики, экстерриториальностью стали пользоваться и главы государств; воззрение о том, что они пользуются иммунитетом от юрисдикции государства пребывания, развилось, по мнению Ф. Листа, «в связи с учением о дипломатических представителях» [\[26, с. 115\]](#). Правовой статус глав государств не претерпел изменения спустя столетия; аналогичными иммунитетами от гражданской и уголовной юрисдикции стали пользоваться также главы

правительств и министры иностранных дел, что было подтверждено Международным Судом ООН в решении от 14 февраля 2002 г. по спору между Демократической Республикой Конго и Бельгией.

Совершенно независимо от экстерриториальности персон и объектов в международном частном праве развивалась теория экстерриториального действия законов. Примечательно, что специалистов в этой области интересовали не столько вопрос о пределах распространения государственной власти, сколько торгово-экономические соображения. По большей части средневековые юристы занимались проблемами, связанными с совокупностью прав и обязанностей физических и юридических лиц при их нахождении на территории иностранного государства, а также о режиме недвижимого имущества.

Важно отметить, что механизмы международного частного права не всегда способны обеспечить решение проблем, возникающих при экстерриториальном применении публичного права, поскольку считается, что коллизионные нормы могут разграничивать лишь действие внутригосударственного частного права. Примечательно, что понимание данного вопроса в России и на Западе различается. Например, в ст. 13 швейцарского Федерального закона о международном частном праве от 18 февраля 1987 г. закреплено, что применение иностранного права не исключается лишь на том основании, что соответствующему положению приписывается публично-правовой характер [\[27, с. 1014\]](#). В то же время, согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 12 марта 2024 г. по делу № А40-138158/2022, «публичное право не обладает экстерриториальным характером».

Данная позиция Верховного Суда РФ справедлива лишь отчасти. В некоторых международных договорах предусмотрено, что по просьбе запрашивающего государства иностранный суд (если он сочтет это возможным) может применить формальности, предусмотренные процессуальным законодательством иностранного государства. Это предусмотрено, в частности, в рамках оказания международной правовой помощи. Подобные исключения возможны в рамках вручения судебных повесток в соответствии с Конвенцией о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15 ноября 1965 г., исполнения судебных поручений в соответствии с Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (далее – Кишиневская конвенция 2002 г.), сборе доказательств в соответствии с Конвенцией о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам от 18 марта 1970 г. и в некоторых других случаях. Кроме того, международная правовая помощь предусматривает признание и приведение в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений. Таким образом, на территории государства могут действовать не только нормы иностранного права, но и иностранные правоприменительные акты.

Процессуальное право может применяться экстерриториально и в отсутствие международного договора, например, в рамках вынесения судами анти-исковых судебных запретов (ст. 248.2 АПК РФ). Относительно последних важно отметить, что несмотря на скептическое отношение в доктрине к данному институту [\[28\]](#), он задействован на практике. Так, в соответствии со ст. 5ab Регламента Совета Европейского союза № 833/2014 от 31 июля 2014 г. (в ред. от 25 февраля 2025 г.), объявлены «подсанкционными» лица, обратившиеся в российский суд в порядке ст. 248.1 или 248.2 АПК РФ.

Помимо закона, экстерриториально могут действовать и права (правомочия), из национального правового акта вытекающие. Например, в доктрине можно встретить мнение, что экстерриториальный характер имеют права на секреты производства ^[29]. Необходимо сделать оговорку, что в англо-саксонской системе права вопросам экстерриториального действия прав уделяется внимания более, нежели вопросам экстерриториального действия закона. Исследовавший практику применения доктрины приобретенных прав английскими судами проф. М. М. Агарков пришел к выводу, что «суд снабжает принудительной силой не иностранный закон и вообще не иностранное право в объективном смысле (foreign law), а то или другое субъективное право (right), приобретенное под действием иностранного закона» ^[30, с. 65]. М. И. Брун выражал основную идею «всего конфликтного права» так: «Благоприобретенные права подлежат защите, не взирая на то, что правоотношение переместилось на другую территорию» ^[31, с. 45-46].

Вместе с тем, проблемы экстерриториальности не ограничиваются выходом права, актов правоприменения и приобретенных прав за пределы территории государства. Геополитические притязания некоторых государств в отношении иностранной территории и возможности обязывать иностранных лиц заставили науку и практику международного права обратить более пристальное внимание и на пространственное действие юрисдикции государства. Европейскому суду по правам человека (далее – ЕСПЧ) приходилось отвечать на вопрос, распространяется ли юрисдикция Турции на территорию Турецкой Республики Северного Кипра (дело «Лоизиду против Турции»: жалоба № 15318/89) и юрисдикция государств-участников НАТО – на обстреливавшиеся ими территории современной Сербии (дело «Банкович и другие против Бельгии и других»: жалоба № 52207/99).

Выше уже упоминались рассуждения Б. М. Клименко о том, что юрисдикция государства может распространяться на различные виды территорий, в частности на территории военных баз. В. А. Батырь называет военные базы и посольства (консульства) «юрисдикционными анклавами» ^[32, с. 66], не поясняя, что под этим подразумевается. По всей видимости, критерием здесь является иммунитет от юрисдикции государства пребывания.

К юрисдикционным анклавам, видимо, также необходимо относить и территории, на которых в силу указания национального закона действует иностранное право. К таким территориям относится Международный финансовый центр «Астана» (далее – МФЦА). Согласно п. 1 ст. 4 Конституционного закона Республики Казахстан от 7 декабря 2015 г. № 438-V, действующим правом МФЦА являются положения Закона об МФЦА, не противоречащие ему акты МФЦА, которые могут быть основаны на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и (или) стандартах ведущих мировых финансовых центров и действующего права Республики Казахстан. Проф. С. П. Мороз называет Суд МФЦА своеобразным «анклавом» в существующей судебной системе Казахстана ^[33, с. 114]. Нельзя назвать Казахстан первопроходцем в данном вопросе. В доктрине отмечается, что МФЦА создавался на примере и опыте Международного финансового центра Дубай (Dubai International Financial Centre) ^[34, с. 101].

Экстерриториальную силу могут иметь и некоторые документы. Прежде всего, речь идет о документах, прошедших процедуру апостилирования в соответствии с Конвенцией, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов от 5 октября

1961 г., или консульской легализации. Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 12 Кишиневской конвенции 2002 г., документы, скрепленные официальной печатью, действуют на территории другого государства без какого-либо удостоверения.

В международном обороте экстерриториальное действие может быть придано документам, оформленным за границей. Так, например, подобное положение закреплено в ст. 106 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее – Основы). Кроме того, российский нотариус в соответствии со ст. 104 Основ уполномочен применять нормы иностранного права и совершать удостоверительные надписи в форме, предусмотренной законодательством других государств. В определенных случаях нотариальные акты могут действовать за пределами территории государства, например, согласие родителей на пересечение ребенком государственной границы другого государства.

Другими примерами документов, действующих экстерриториально, являются национальные и международные водительские удостоверения в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения». На основании международных договоров Российской Федерации экстерриториальную силу имеют также и судовые документы судна, плавающего под флагом иностранного государства (ст. 30 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации). Такую же силу имеют судовые документы, имеющиеся на борту гражданских воздушных судов иностранных государств, если они соответствуют международным авиационным стандартам, признаваемым Российской Федерацией (ст. 81 Воздушного кодекса Российской Федерации).

Таким образом, как мы видим, ныне понятие экстерриториальности должно быть значительно расширено. Она не ограничена трансграничным действием национального законодательства. В разнообразных ситуациях практическое проявление экстерриториальности может состоять в: следовании права за лицом или подчинении правоотношения иностранному праву (личный закон или избранный закон в международном частном праве); изъятиях из правового режима территории для глав государств, дипломатов и приравненных к ним лиц (дипломатическое и консульское право); льготах и привилегиях в рамках режима капитуляций (сеттльменты и аналогичные режимы); консульских привилегиях (торговое право); специальной юрисдикции в отношении морских и воздушных судов, а также космических объектов; особом режиме специальных территорий (торговый город, свободный порт, особые финансовые центры, иностранные военные базы и иные подобные объекты); правовой помощи и исполнении иностранных судебных и арбитражных решений (международный гражданский процесс); экстерриториальном действии нотариальных актов, а также иных официальных и неофициальных документов. Экстерриториальность как особое правовое явление не может быть осмыслена на концептуальном уровне и подвергнута правовой регламентации без сравнения и соотнесения её фактических проявлений в их совокупности.

В то же время, проявления экстерриториальной юрисдикции настолько разнообразны, что в каждом конкретном случае, по всей видимости, потребуется специфическое регулирование, а может быть, и отдельный юридический документ. Комиссия международного права ООН предложила разработать акт, ориентированный на установление общих принципов и более конкретных норм, регулирующих установление экстерриториальной юрисдикции в рамках международного публичного права ^[14]. Учитывая, что с момента внесения этого предложения прошло уже почти 20 лет,

нетрудно вообразить, с какими трудностями столкнулась Комиссия при подготовке такого документа. Надо полагать, что адекватное регулирование всей совокупности проблем, связанных с экстерриториальностью, возможно лишь в том случае, если к разработке искомого документа будет привлечен широкий круг высококлассных специалистов, которые могли бы выступить в качестве экспертов относительно тех или иных проявлений экстерриториальности.

Очевидно, что совершенно особые задачи встают перед наукой международного права, которой предстоит не только комплексное исследование различных проявлений экстерриториальности и определение принципиального юридического статуса этого феномена, но и поиск реальных путей и средств, при помощи которых возможно установление юридических рамок согласования государствами механизма трансграничного действия их права и юрисдикции.

Библиография

1. Бахин С.В. Право международной конкуренции и безопасность государств (некоторые рассуждения о ближайшем будущем) // Глобальные вызовы и угрозы международной безопасности. Сборник материалов международной научно-практической онлайн-конференции. 30 сентября 2020 года, Нур-Султан / Под ред. Ш.В. Тлепиной, Р.Д. Акшаловой, Д.М. Каматовой. Нур-Султан: ИП Булатов, 2020. С. 43-49.
2. Бахин С.В. Глобальная конкуренция (на подступах к новому миропорядку) // Наука СПбГУ-2022. Сборник материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием. Санкт-Петербургский государственный университет. Москва: ООО "Издательство Ипполитова", 2023. С. 1230-1231. EDN: GBULBU.
3. Бахин С.В. "Санкционное право": постановка проблемы // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 4. С. 143-152. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).143-152. EDN: KUINNW.
4. Терри П.С. Проведение в жизнь внешней политики США путем наложения односторонних вторичных санкций: работает ли право сильного в международном публичном праве? // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 25-55. DOI: 10.17323/19967845-2022-01-02. EDN: SXNBFQ.
5. Клишас А.А. О вмешательстве США и ЕС во внутренние дела государств [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [сайт]. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/81083/> (дата обращения: 27.05.2025).
6. Lewin T. Business and the Law; Imposing Rule of U.S. Abroad // New York Times. November 16, 1982. Sec. D. P. 2.
7. Боклан Д.С., Коваль В.В. Односторонние санкции в соответствии с международным правом и эффективность блокирования // Московский журнал международного права. 2024. № 1. С. 6-23. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-1-6-23. EDN: MLJGHG.
8. Бахин С.В. Экономическая безопасность Российской Федерации и международное частное право // Журнал международного частного права. 2018. № 1 (99). С. 24-53. EDN: YOJWBV.
9. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Том II. Изд. пятое, доп. и исправл. Санкт-Петербург: Типография А. Бенке, 1905. 626 с.
10. Cheshire J., North P., Fawcett J. International Private Law / P. Torremans, J. Fawcett, 15th edition. Vicenza: L.E.G.O. S.p.A., 2017. 1632 p.
11. Дипломатический словарь : в 3 т. Т. 3. С-Я / гл. редакция А.А. Громыко и др. 4-е перераб. и доп. изд. Москва: Наука, 1986. 749, [1] с.
12. Самарин А.А. Экстерриториальное действие права : дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / А.А. Самарин. Нижний Новгород, 2016. 229 с. EDN: LGOSFW.
13. Мандельштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного

права. Том I. Санкт-Петербург: Типография А. Бенке, 1900. 273 с.

14. Доклад Комиссии международного права Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: 1 мая 9 июня и 3 июля 11 августа 2006 г. (Пятьдесят восьмая сессия) A/61/10. С. 536-558. URL: <https://docs.un.org/ru/A/61/10> (дата обращения: 27.05.2025).
15. Терентьева Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его государственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 160-180. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.3.160.180. EDN: GJFPOL.
16. Курс международного права : в 6 т. / Академия Наук СССР, Ин-т государства и права. Москва: Наука, 1967-1969.
17. Курс международного права. В 7 т. / ред. кол. В.Н. Кудрявцев (гл. ред.) и др. Москва: Наука, 1989-1993.
18. Вилков Г.Е. Национализация и международное право. Москва: Издательство Института международных отношений, 1962. 134 с.
19. Баратянц Н.Р. Проблемы экстерриториального действия правовых норм и международное частное право // Международное частное право: современные проблемы / Отв. ред. М.М. Богуславский. Москва: Издательское товарищество "ТЕИС", 1994. С. 245-261.
20. Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Типография Губернского Правления, 1903. 567 с.
21. Таубе М.А. Система межгосударственного права в схематическом изложении: программа-конспект лекций. Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1909. 51 с.
22. Курс международного права. В 7 т. Т. 3. Основные институты международного права / отв. ред. Н.А. Ушаков. Москва: Наука, 1990. 260 с.
23. Золотой фонд российской науки международного права. Т. V. Даневский В.П. Пособие к изучению истории и системы международного права / Науч. ред. Г.С. Стародубцев. Москва: Международные отношения, 2021. 496 с.
24. Гроций Г. О праве войны и мира: репринт с изд. 1956 г. / С.Б. Крылов; пер. с лат. А.Л. Саккетти. Москва: Ладомир, 1994. 868 с.
25. Алексиева Б.Б. Тенденции развития института консульских привилегий и иммунитетов : дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10 / Б.Б. Алексиева. Москва, 2006. 150 с. EDN: NNRVNR.
26. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / В.Э. Грабарь, перевод М. Мебель. Юрьев: Издание М.А. Полянской, 1902. 404 с.
27. Международное частное право. Сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В. Плеханов. Москва, 2021. 1112 с.
28. Гландин С.В. Закон о праве подсанкционных лиц переносить судебные споры в Россию: причины и предпосылки // Международное правосудие. 2021. № 1 (37). С. 131-152. DOI: 10.21128/2226-2059-2021-1-131-152. EDN: HLIPMK.
29. Гаврилов Э. Гражданско-правовая защита и охрана секретов производства и коммерческой тайны // Хозяйство и право. 2014. № 7. С. 41-56. EDN: UFEMHL.
30. Агарков М.М. Применение советским судом иностранного закона // Проблемы социалистического права. Сборник 3. Москва: Юридическое издательство НКЮ Союза СССР, 1938. С. 65-72.
31. Брун М.И. Очерки истории конфликтного права. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1915. 106 с.
32. Батырь В.А. Международное территориальное право. Москва: Международные отношения, 2021. 664 с. EDN: XDPDOV.
33. Мороз С.П. Суд МФЦА: вопросы теории и практики // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 1 (59). С.

111-115. EDN: HSYTKB.

34. Мурзагалиева А.М. К вопросу о видах международных финансовых центров // CONCORDE. 2018. № 3. С. 99-104. EDN: XMJMTB.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Экстерриториальность in corpore: пространственные пределы действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам пространственных пределов действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных. Автором статьи раскрываются проблемы экстерриториальной юрисдикции, в частности, отмечается, что «проявления экстерриториальной юрисдикции настолько разнообразны, что в каждом конкретном случае, по всей видимости, потребуется специфическое регулирование, а может быть, и отдельный юридический документ». В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения международных актов, мнения ученых, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования может быть обозначена в качестве разрешения отдельных проблемных вопросов, связанных с пространственными пределами действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных и материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «в ст. 13 швейцарского Федерального закона о международном частном праве от 18 февраля 1987 г. закреплено, что применение иностранного права не исключается лишь на том основании, что соответствующему положению приписывается публично-правовой характер [27, с. 1014]. В то же время, согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 12 марта 2024 г. по делу № А40-138158/2022, «публичное право не обладает экстерриториальным характером»».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема пространственных пределов действия национального права, юрисдикции и феноменов, на них основанных сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Стремление отдельных государств

распространить действие национального права, а также своей юрисдикции за пределы собственных государственных границ является одним из проявлений проблемы экстерриториальности национального права. В конце XX в. и начале XXI в. данный вопрос приобрел беспрецедентную актуальность. В условиях глобальной конкуренции [1] [2] многие государства, прежде всего США, стремятся придать целому ряду положений своего национального права экстерриториальный характер».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«понятие экстерриториальности должно быть значительно расширено. Она не ограничена трансграничным действием национального законодательства. В разнообразных ситуациях практическое проявление экстерриториальности может состоять в: следовании права за лицом или подчинении правоотношения иностранному праву (личный закон или избранный закон в международном частном праве); изъятиях из правового режима территории для глав государств, дипломатов и приравненных к ним лиц (дипломатическое и консульское право); льготах и привилегиях в рамках режима капитуляций (сеттльменты и аналогичные режимы); консульских привилегиях (торговое право); специальной юрисдикции в отношении морских и воздушных судов, а также космических объектов; особом режиме специальных территорий (торговый город, свободный порт, особые финансовые центры, иностранные военные базы и иные подобные объекты); правовой помощи и исполнении иностранных судебных и арбитражных решений (международный гражданский процесс); экстерриториальном действии нотариальных актов, а также иных официальных и неофициальных документов».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению положений международных актов, что может быть полезно для специалистов в изучаемых сферах исследования.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с пространственными пределами действия национального права.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Бахин С.В., Терри П.С., Боклан Д.С., Коваль В.В., Lewin T. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области международного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье вопросам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»